

S T U D I A P H I L O L O G I C A

В. Г. Кузнецов

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
ЖЕНЕВСКОЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ

ЗНАК
Москва
2010

УДК 81
ББК 81
К 89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 09-04-16104

Кузнецов В. Г.

К 89 Научное наследие Женевской лингвистической школы. — М.: Знак, 2010. — 368 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0407-2

Монография посвящена историографическому анализу с позиций современной лингвистики научного наследия Женевской школы — одного из ведущих направлений языкознания XX века, оказавшего значительное влияние на развитие науки о языке и не утратившему свою значимость. Дается всесторонняя оценка научного наследия Женевской школы, определено ее место в истории языкознания, установлены объединяющие начала, дающие основание признать эту школу самостоятельным научным объединением.

Концепция Женевской школы анализируется не только на основе канонического текста «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, но и с широким привлечением его рукописных источников, архивных материалов, документальных источников.

Вводятся в научный оборот недостаточно представленные в существующих работах составляющие научного наследия Женевской школы — теория языкового знака, грамматическое учение, семиологическая концепция и новый массив данных — соссюрологические исследования, материалы научных фондов.

Ввиду широты проблематики научного наследия Женевской школы оно представляет интерес для специалистов по разным разделам науки о языке: истории и теории языкознания, грамматике и стилистике, лингвистике текста, прагматике и когнитивной лингвистике.

ББК 81

На переплете: фасад Женевского университета

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0407-2

© В. Г. Кузнецов, 2010
© Знак, оригинал-макет, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Часть I. Развитие положений теории языка Ф. де Соссюра	21
Глава I. Женевская школа: истоки научной проблематики и теоретические принципы	21
§ 1. Краткая историография Женевской школы и истоки научной проблематики. Научные связи с Россией	21
§ 2. Теоретические принципы	34
§ 3. Соссюрология	40
§ 4. Место работы А. Сеше «Программа и методы теоретической лингвистики» в истории языкознания ..	47
Глава II. Дихотомия языка и речи: системоцентрический и текстоцентрический подходы	69
§ 1. Разграничение языка и речи, синхронии и диахронии — центральное звено лингвистической концепции Женевской школы	69
§ 2. Учение А. Сеше о соотношении языка и речи в связи с разграничением синхронии и диахронии: системоцентрический подход	81
§ 3. Текстоцентрический подход: теория актуализации языковых знаков Ш. Балли и С. Карцевского	94
§ 4. Лингвисты Женевской школы — основоположники изучения дискурса	115
Глава III. Развитие принципа произвольности языкового знака	125
§ 1. Контroversа принципа произвольности	125
§ 2. Учение Ш. Балли и С. Карцевского о мотивированности языкового знака	134

§ 3. Развитие принципа произвольности в работах А. Фрея, Р. Годеля, Р. Энглера и Р. Амакера	148
§ 4. Теория С. Карцевского асимметричного дуализма лингвистического знака	155
Глава IV. Развитие принципа линейности языкового знака	168
§ 1. Второе свойство лингвистического знака	168
§ 2. Распространение свойства линейности на обе стороны языкового знака	171
§ 3. Учение о синтагме	178
§ 4. Вопрос единиц языка и речи	188
Глава V. Вопросы внешней лингвистики	194
§ 1. Соотношение языка и мышления	194
§ 2. Вопросы нормы и языковой политики	201
Часть II. Самостоятельные направления исследований. От Соссюра к функционализму	209
Глава I. Роль и соотношение в языке интеллектуального и аффективного	209
§ 1. Роль аффективного фактора в языке	211
§ 2. Соотношение в языке интеллектуального и аффективного	216
§ 3. Создание стилистики как самостоятельной научной дисциплины	224
Глава II. Грамматическое учение Женевской школы	234
§ 1. Синтаксическая теория А. Сеше	234
§ 2. Общая теория высказывания Ш. Балли	250
§ 3. Синтагматический синтаксис А. Фрея	258
§ 4. Теория транспозиции Женевской школы	267
Глава III. Семиологическая концепция Л. Прието	277
§ 1. Знак и знаковая репрезентация	277
§ 2. Ноология — функциональная теория означаемого	289

Глава IV. Язык — человек — общество	301
§ 1. Движущие факторы языкового развития	302
§ 2. Язык и культура	315
§ 3. Связь теории языка с общественной языковой практикой	320
Закключение. Место Женевской школы в истории языкознания. Актуальность ее научного наследия для современной лингвистики	325
Литература	341

ВВЕДЕНИЕ

Задача истории науки состоит в том, чтобы восстановить и сохранить преемственность научных идей и положений, воздать должное предшественникам, установить научные приоритеты и, главное, обосновать с позиций современной науки актуальность и перспективность выдвигавшихся идей и положений. Исторический подход к научному знанию свидетельствует о непрерывности его развития: каждое данное состояние в развитии научных знаний представляет собой фазу поступательного движения. Нельзя не согласиться с основоположником методологии исследований истории науки В. И. Вернадским в том, что «каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории отражение научных теорий своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но неизбежно переоценивает старое, пережитое» [Вернадский 1922: 112].

Обращение к истории науки свидетельствует о ее зрелости, усложнении решаемых ею задач, требующих систематизации и осмысления накопленных знаний, закономерностей их получения.

Исследования по истории науки имеют не только познавательную ценность, прежде всего они служат современной науке ориентирами не только в ее настоящем состоянии, но и в будущем. В. И. Вернадский, один из пионеров историографии науки, писал в этой связи: «Научное изучение прошлого, в том числе и научной мысли, всегда приводит к введению в человеческое сознание нового» [Вернадский 1981: 243].

Задача истории науки, таким образом, обратить внимание на идеи, оставшиеся по разным причинам незамеченными и недооцененными современниками исследуемых школ и направлений, а иногда и последующими поколениями, и являющиеся перспективными и плодотворными с точки зрения современной науки. Ценность и значимость истории науки — в ее возможности прогнозировать научные знания. Она обращена не только в прошлое, настоящее, но и в будущее, охватывая три временных измерения.

Исторический подход к научным школам и направлениям позволяет представить их на широком культурном фоне, понимая под культурой совокупность достижений в разных областях знаний. Это дает возможность зачастую по-новому воспринимать известные, привычные факты. Научно-исторический факт, по нашему мнению, следует рассматривать с двух сторон: во-первых, как одно из явлений соответствующей науки, и во-вторых, как принадлежность культуры в широком смысле.

При изучении истории науки нередко выясняется, что некоторые современные идеи и представления формулировались и обсуждались ранее под другими названиями и в другой связи.

При изучении истории науки обнаруживаются не только несомненные достижения, открывающие новые пути, но и ошибки и заблуждения. В последнем случае задача исследователя — установить источники этих ошибок и заблуждений, чтобы избежать их в будущем.

В задачу истории науки входит также установление традиций и преемственности между отдельными учеными, школами и направлениями, их роли во взаимном обогащении новыми идеями. При этом некоторые идеи были восприняты современниками и утвердились в науке, другие были забыты на долгие годы, несмотря на их истинность и значимость.

Сказанное в полной мере имеет отношение и к истории языкознания, изучение которой имеет не только историко-познавательное значение, но является нередко источником постановки новых проблем в современной лингвистике.

Интерес к истории языкознания как научной дисциплине возник во Франции в конце XVIII в., когда французские грамматисты Ф. Тюрю и Д. Тьебо предприняли попытку создания общей концепции развития лингвистики. Методологические основы построения истории науки о языке были заложены в период с середины XIX в. до начала XX в. в трудах таких видных языковедов, как Г. Штейнталь, Т. Бенфей, Б. Дельбрюк, В. Томсен, Х. Педерсен, С. К. Булич.

Однако как самостоятельная отрасль современной лингвистики история языкознания сформировалась во второй половине XX в. в трудах В. А. Звегинцева, М. Леруа, М. Ивича, Р. Робинса, Ж. Мунена. Этому в значительной мере способствовали специальные периодические издания (*Historiographia linguistica*), международные конференции по истории языкознания. История науки о языке стала постоянной темой и на международных лингвистических конгрессах.

История языкознания, также как и другие науки, имеет собственную проблематику, которая включает:

- предмет и объект исследования,
- цели и задачи исследования,
- методы исследования,
- основные понятия истории языкознания,
- периодизацию истории языкознания,
- теоретическую и практическую значимость истории языкознания,
- место истории языкознания в системе научных знаний.

Итальянский лингвист, специалист по истории языкознания, Р. Симоне считает важным для эпистемологии лингвистики восходящее к Ф. де Соссюру различие предмета (*matière*) и объекта (*objet*) лингвистики [Simone 1975]. Объект моделируется в зависимости от уровня разработанности науки о языке и смежных наук в данный момент.

Предмет и объект соотносятся как данное, материал исследования и как интерпретация этого данного исследователем. Объект формируется объективно-субъективным подходом историка науки. Объективный подход обусловлен состоянием лингвистической науки и смежных наук, субъективной принадлежностью исследователя к определенной школе или направлению, культурной традиции, совпадением или расхождением его научных взглядов с анализируемыми концепциями. Примером могут служить существенные различия в оценке положений учения Соссюра Р. А. Будаговым в 1954 г. [Будагов 1954] и Н. А. Слюсаревой в 1969 г. [Слюсарева 1969], с разницей всего лишь в 14 лет.

Различие предмета и объекта исследования связано с философским вопросом об абсолютной и относительной истине. Научные истины являются относительными, поскольку обусловлены уровнем науки, не дают полного, исчерпывающего знания о предмете (абсолютная истина) и содержат элементы, которые в процессе развития научного знания будут изменяться, углубляться, уточняться.

Историю науки Симоне понимал как эволюцию тесно связанных между собой эпистемических и неэпистемических факторов. К эпистемическим факторам он относил: 1) состояние лингвистики, 2) состояние смежных наук, 3) место, отводимое лингвистике среди других наук. Среди неэпистемических факторов он выделял: 1) факторы, влияющие на установление признаков, вычленяемых в исследуемом объекте, 2) факторы, влияющие на разработку теории.

Рассмотрение основных моментов истории интерпретации соссюровской мысли свидетельствует о том, что Ф. де Соссюру приписыва-

ли всякий раз различные положения в зависимости от того, какими эпистемическими и неэпистемическими факторами историки пренебрегали. Сущность сосюрковского учения о языке была понята только тогда, когда обратились к области признаков объекта исследования, которые были положены в основу построения его теории. Подход к анализу концепции Соссюра в историко-эпистемологическом плане позволил установить взаимосвязь отдельных сторон его учения.

Цель и задачи истории языкознания — теоретическое осмысление развития знаний о языке, анализ теорий и концепций генезиса лингвистической мысли в целом и в ее отдельных аспектах — традициях, течениях, направлениях и школах.

В настоящее время на повестке дня стоит задача разработки методологических основ истории языкознания. Речь идет прежде всего о методах исследования и понятийном аппарате. История языкознания должна быть не просто описательной наукой, фиксирующей последовательность имен, событий, положений¹, а объяснять суть изменений, претерпеваемых наукой, выявлять их движущие силы. Результаты и выводы истории языкознания позволяют соотносить современное состояние науки о языке с опытом ее предшествующего развития. В этом состоит первый комплекс методологических проблем истории языкознания.

Изучение прошлого науки должно исходить не из отдельных фактов, а из научной ситуации соответствующей эпохи в целом. Каждый этап развития знания о языке должен исследоваться как целостное явление, обладающее определенными внутренними закономерностями. Данные истории языкознания свидетельствуют о неоднократном обращении к одним и тем же фактам и явлениям, и каждый раз они предстают в новом ракурсе в связи с новой ориентацией исследования и новыми методами.

Для установления исторической перспективы развития научного знания важен целостный, системный подход к науке прошлого, рассмотрение отдельного этапа развития как фазы общего развития науки.

Одной из ключевых задач изучения истории языкознания является проблема развития, прогресса научного знания. Прогресс как неотъемлемая характеристика науки не является атрибутом каждого факта ее

¹ Не такой, как о ней писал С. Д. Кацнельсон: «История языкознания — это персонифицированная и драматизированная теория языка, в которой каждое научное понятие и теоретическое положение снабжено языком с указанием лиц, дат и конкретных обстоятельств, связанных с их появлением в науке» [Кацнельсон 1980].

развития. История развития науки не подобна прямой линии, это «сложный процесс, полный противоречий, спадов, подъемов, возвращений на новом уровне к старым, давно оставленным и забытым взглядам, борьбы различных мнений, гипотез, теорий, редко выходящих из этой борьбы в своем первоначальном виде, но почти всегда незаметно меняющихся, впитывающих в себя новые элементы» [Микулинский 1981: 28]. Тот факт, что развитие науки не исключает предыдущие исторические этапы, подтверждается примерами возвращения науки к уже, казалось бы, «преодоленному» прошлому. Так, Ф. де Соссюр, разрабатывая проблемы языкового знака и синхронической лингвистики, обращался к традициям XVII—XVIII вв. и утверждал, что научная база грамматики того времени «менее подвержена критике, а ее предмет лучше определен, чем у той лингвистики, которую основал Бопп» [Соссюр 1977: 115]. Таким образом, проблема прогресса лингвистического знания должна решаться не на уровне отдельных научных фактов, а на уровне научного знания как целого с учетом прежде всего успешности и продуктивности применения полученных результатов для решения поставленных задач.

История и современное состояние языкознания соотносятся как историческое познание предмета и его результат, в котором последовательно складывавшиеся в ходе исторического развития связи достигли определенного состояния. Соотношение и взаимосвязь различных сторон развития целого отражает историю становления этого целого, историю познания его разных сторон в их взаимосвязи. Таким образом, между историей и теорией предмета существует диалектическая связь, и та и другая — развивающиеся и изменяющиеся во времени категории. Современное состояние предмета воспринимается как определенное и сформировавшееся, при этом не принимается во внимание, за исключением историков науки, зигзаги его развития, а также второстепенные, не являющиеся релевантными, с точки зрения его настоящего восприятия, факты. Отсюда вытекает различие в отображении предмета исследования в историческом и современном состоянии. Другими словами, для современного исследователя предмет изучения предстает в большей мере в статике, и только исторический подход позволяет представить предмет в динамике.

Именно потому, что в самой действительности процесс и результат развития не совпадают, хотя и находятся в единстве, неизбежно различие по содержанию исторического и неисторического способов исследования. Задачей исторического исследования является раскрытие конкретных условий и форм развития тех или иных факторов и яв-

ний, последовательность и внутренняя логика их перехода от одних исторических стадий к другим. Задача неисторического теоретического исследования — раскрытие роли, которую отдельные элементы предмета изучения играют в его составе как целого. Исторический подход позволяет восстановить динамику становления фактов и явлений, внутреннюю связь составляющих их элементов. Так, современное понимание противоречивых отношений между формой и содержанием в языке нередко основывается на теории асимметричного дуализма лингвистического знака С. Карцевского, восходящей, в свою очередь, к учению Ф. де Соссюра о произвольности знака. «С. Карцевский, — писал В. Г. Гак, — был, пожалуй, первым, кто в своей статье “Об асимметричном дуализме лингвистического знака” (1929) воспользовался терминами *симметрия* и *асимметрия* в применении к языку... Но если пятьдесят лет тому назад применение термина “асимметрия” к фактам языка могло казаться метафорой, то развитие языкознания за прошедшие полстолетия не только характеризуется все более широким использованием терминологической пары *симметрия* / *асимметрия*, но и осознанием этих категорий как отражения фундаментальных черт строения и функционирования языка» [Гак 1998: 106]. Тем самым история языкознания позволяет восстановить логические связи между последовательными стадиями становления и развития современных научных понятий и методов.

Как справедливо отмечает П. Сьурен, «современная лингвистика, к сожалению, привыкла жить без собственной истории. Это обстоятельство печально не только потому, что ведет к суживанию горизонта... но еще и потому, что создает риск постоянного изобретения заново колеса». В результате многие важные вопросы, привлекавшие внимание наших предшественников, «выпали из поля зрения современной лингвистики, отчего она многое потеряла» [Seuren 1998: 11].

Глобальную задачу перед историей языкознания поставил Р. Симоне: разработать своего рода типологию открытий, к которым привели соответствующие исследовательские процедуры [Simone 1975]. Другими словами, речь идет о методологии научных открытий в отличие от логики изложения научных данных и их обоснования. На наш взгляд, эти два подхода взаимосвязаны, поскольку установлению закономерностей появления новых знаний предшествуют эмпирические обобщения количественных данных, приведших к качественным изменениям.

Опора на современные знания позволяет оценить значимость выдвигавшихся идей и положений для развития современной мысли,

тем самым воздать должное деятелям прошлого, установить национальные и индивидуальные приоритеты. С другой стороны, прямолинейное перенесение современных представлений о научных фактах на научную деятельность прошлого без учета специфики состояния лингвистики и смежных наук в определенный период может привести к искажению исторической перспективы.

История языкознания, так же как и других наук, процесс не равномерный в плане появления качественно новых направлений и методов исследования. Развитие научного знания не может быть представлено как плавное и равномерное, периоды относительно спокойной и равномерной деятельности сменяются периодами перестройки научной деятельности, когда пересматриваются основополагающие представления, вырабатываются новые установки, приводящие к расширению проблематики исследования, становлению новых методов, формированию новых направлений исследования.

В то же время качественные скачки в развитии языкознания, например, под воздействием теории Соссюра в XX в. не означали разрыва с предшествующими традициями. В. И. Вернадский подчеркивал, что периоды качественных преобразований в науке носят «яркий созидательный, а не разрушительный характер. Строится и создается новое; оно для своего создания часто использует, перерабатывая до конца, старое» [Вернадский 1981: 232]. Иллюстрацией этого положения может служить творческое использование Ш. Балли в своей теории высказывания понятий французской рациональной грамматики XVIII в., а также социально ориентированной традиции французской лингвистики, ее тесной связи с общественной языковой практикой. Таким образом, наука на каждом этапе своего развития сохраняет в творчески переработанном виде опыт прошлого.

Новое в науке, как правило, возникает во взаимодействии со старым, даже если это взаимодействие носит характер полемики. Для дальнейшего развития знания имеет значение не только положительный, но и отрицательный опыт прошлого. В то же время то, что заимствуется у предшественников, не остается неизменным. Элементы предыдущих фаз развития продолжают существование в преобразованном виде в результате критического пересмотра в свете новых достижений и вовлекаются в новые условия и взаимосвязи. Как указывает Э. Кёрнер, лингвистике XIX в. не были чужды понятия «система» и «структура», а в XX в. они были «не просто введены в научный оборот, но и существенно переосмыслены» [Koerner 1975]. С. Ору замечает, что минимальные пары были известны ученым уже в XVIII в., а

оппозиции фонетических признаков использовались фонетистами XIX в., но действительное применение и то и другое нашло только в фонологии XX в. [Augoux 1980: 12].

Ускоряющим фактором развития лингвистики выступают значительные сдвиги в развитии смежных наук, прежде всего, философии, психологии, социологии, логики, педагогики. В качестве примера можно привести значительное влияние на концепцию Женевской школы бурного развития в начале XX в. во Франции и Швейцарии психологии, в том числе детской, и педагогики. На развитие лингвистики оказывают влияние не только школы и направления смежных наук, но и отдельные ученые — представители этих направлений. Однако не всегда подобное влияние принимается во внимание в исследованиях по истории языкознания. Так, Дж. Ленски справедливо указывает, что в работах по истории языкознания XIX — начала XX в. обычно даже не упоминают таких известных в свое время ученых, как женевский психолог Г. Флурнуа, между тем его эксперименты с медиумами, говорящими на неизвестных языках, вызвали живой интерес Ф. де Соссюра [Lensky 1982: 30].

Поскольку история языкознания не выработала собственной модели развития своей науки, она обратилась к опыту науковедения. В англоязычных странах и в ряде стран Западной Европы в описании процесса развития науки о языке применяется понятие «парадигмы науки», разработанное для истории естествознания американским ученым Т. Куном [Кун 1975]. Согласно Куну, наука, достигшая определенной зрелости, развивается циклически: периоды планомерной деятельности сменяются резкими скачками (научными революциями), в результате которых полностью меняются установки, определяющие деятельность ученых. В результате научной революции происходит смена старой парадигмы на новую [Там же: 68].

Хотя понятие «парадигмы» и имеет определенные операциональные удобства, ее применение малоэффективно для такой гуманитарной науки, как история языкознания. Процесс смены парадигм у Куна не включает внутреннюю логику развития науки, преемственность между отдельными этапами развития, о чем говорилось выше, а также не учитывает прогресс научного знания. Поскольку в отличие от естествознания лингвистика является гуманитарной наукой, ее историю необходимо изучать в связи с историей культуры и общества.

Более приемлемой и продуктивной, на наш взгляд, для истории языкознания является концепция Ф. де Соссюра о трех последовательных фазах развития лингвистики: *грамматическая* фаза, когда преи-

мущественное внимание уделялось нормативному описанию языков; *филологическая* фаза, когда внимание ученых было сосредоточено на толковании и комментировании текстов; фаза сравнительно-исторического языкознания. К этим фазам следует, очевидно, добавить структурализм, многие направления которого восходят к учению Соссюра, и современную фазу — функционализм, сформировавшийся в значительной степени под влиянием Пражской и Женевской школ [Кузнецов 2004: 200—201]. В современной лингвистике функционализм все чаще рассматривается как метапарадигма, объединяющая разные школы и направления. Он характеризует и когнитивную, и коммуникативную парадигму лингвистических исследований.

Более продуктивным для истории языкознания является понятие научного сообщества Т. Куна. В его представлении ученый «может быть понят как ученый только по его принадлежности к научному сообществу, все члены которого придерживаются определенной парадигмы» [Кун 1975: 68].

К истории языкознания более применимы менее жесткие, чем парадигма, понятия: школы, направления, течения, традиции, которые «однако... — справедливо отмечает С. А. Ромашко, — крайне слабо разработаны» [Ромашко 1985: 25].

Предпримем попытку дать определение этих кардинальных для методологии истории языкознания понятий.

Школа в истории языкознания может быть интерпретирована как группа ученых, объединенных и вместе с тем отграниченных территориальной и культурно-исторической принадлежностью и — что самое главное — общностью научной концепции, возникшей на основе общего источника (как правило, таким источником является глава школы) и в дальнейшем развиваемой учеными, принадлежащими к данной школе; школа обычно живет и развивается в рамках какого-либо большего объединения: направления, течения, традиции. Такое строго определенное понятие школы применимо, например, к Пражской (если рассматривать ее как фонологическую школу) и к Копенгагенской школам.

В отличие от школы основным объединяющим принципом в направлении выступает не глава, учитель, а единство взглядов на язык как предмет исследования, общность исходных методологических установок и принципов исследования. Направление объединяет несколько школ, течений и отдельных концепций. Примером может служить французская социологическая лингвистика, наиболее видными представителями которой являются А. Мейе, Ж. Вандрисс, Э. Бенве-

нист, Ф. Брюно, М. Граммон, М. Козн. Объединяющее начало этого направления — рассмотрение языка как социального факта, общественного продукта, который должен изучаться в связи с другими фактами и явлениями. Теоретические принципы этого направления очень близки установкам Женевской школы, не случайно Й. Йордан включает ее представителей в это направление [Йордан 1971: Гл. IV].

Термин «течение» употребляется в истории языкознания довольно редко. В целом под течением понимается более тесная группировка в пределах направления. Так, можно говорить о нео-позитивистском течении в структурализме.

«Этапы в развитии языкознания не зависят от национальных границ, но протекают в определенных национальных рамках. Те или иные национальные границы, в которых развивается наука о языке, принято называть *лингвистическими традициями*» [Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975: 24]. Примером может служить французская традиция изучения языка в тесной связи с его носителем — человеком, оказавшая существенное влияние на формирование научной концепции Женевской школы.

Задача истории языкознания состоит также в определении места науки о языке в общем ходе познавательной деятельности, являющейся составной частью процессов, обеспечивающих функционирование и развитие общества, что вытекает из тесной связи лингвистики с общественной языковой практикой и важнейшей ролью языка в жизни общества. Для решения этой задачи требуется изучение: 1) социальной практики и общественных потребностей, решаемых языкознанием, 2) состояния общественного сознания, значимого для науки о языке, 3) основных тенденций развития науки в целом. Поэтому история языкознания не может не учитывать в своих исследованиях связи развития языкознания с различными потребностями общественной языковой практики. Спектр этих потребностей чрезвычайно широк: совершенствование письменности, вопросы культуры речи и нормирования, перевод и преподавание языков, изучение древних текстов и др. Общественная языковая практика в значительной степени обусловила проблематику и направление исследований представителей Женевской школы. Научное познание, подчеркивает С. Ору, никогда не является понятием незаинтересованным, потому что наука представляет собой социальную практику [Augoux 1980: 10].

История науки не является чем-то законченным, устанавливающим непреложные истины. Как и любое научное знание, она эволюционирует. Это касается даже отдельных ученых, научное творчество

которых достаточно хорошо изучено. Примером может служить теория Ф. де Соссюра, которой посвящено большое количество исследований, даже сложилось самостоятельное направление исследований — «соссиурология». Публикуются все новые и новые работы, комментирующие, уточняющие, а нередко и проливающие новый свет на отдельные аспекты его доктрины. Известно, что даже хорошо изученные исторические факты при повторном обращении к ним предстают в ином свете и квалифицируются как имеющие научную ценность благодаря появлению новых документов и анализу их с позиций современной науки. Этому способствует также рассмотрение идей и положений на широком культурно-историческом фоне.

Перед исследователем творчества ученых стоит задача последовательного представления их концепции как взаимосвязанного, логически организованного целого. Иногда сами ученые излагают свои взгляды фрагментарно и разрозненно.

Известно, что взгляды ученых, в том числе и лингвистов, формируются на основе взглядов их предшественников, которыми могут быть как учителя, так и целые школы и даже направления. Задача историка науки состоит в том, чтобы установить генезис взглядов и идей ученых, логику развития их мировоззрения.

В истории языкознания недостаточно исследованной остается Женевская лингвистическая школа. Название «Женевская школа» употребляется применительно к ученикам и последователям Ф. де Соссюра по Женевскому университету. Она представлена непосредственными учениками Соссюра, основателями школы — Ш. Балли, А. Сеше, С. Карцевским и их учениками и последователями — А. Бюрже, А. Фреем, Э. Сольберже, Р. Годелем, Л. Прието, Ф. Каном, Р. Энглера, Р. Амакером.

В своей научной деятельности лингвисты Женевской школы опирались на основные положения теории Соссюра: дихотомии языка и речи, синхронии и диахронии, понимание языка как системы знаков, принцип произвольности и линейности лингвистического знака, различение внутренней и внешней лингвистики. Наряду с этими положениями в рамках Женевской школы были выдвинуты и получили развитие вопросы теории языка, обусловленные индивидуальными научными интересами ее представителей. Они неоднократно заявляли, что учение Соссюра не является для них догмой, и их научная деятельность является ярким тому подтверждением.

Как справедливо отмечает Ж. Редар [Redard 1982], в работах по истории языкознания (Робен, Мунен, Мальмберг, Леруа и др.) либо

вообще не уделяется внимания Женевской школе, либо она занимает незаслуженно мало места. Как в зарубежной, так и в отечественной историографии науки о языке нет систематических исследований, посвященных цельному разбору теории языка Женевской школы, в которых лингвистические воззрения представителей этой школы анализировались бы во взаимосвязи и в сравнении с общелингвистическими взглядами Соссюра и с другими современными им школами. Применительно к Женевской школе изучению подвергались лишь отдельные, преимущественно частные концепции некоторых ее представителей [Будагов 1954; Илия 1970; Поспелов 1957; Введенский 1965; Слюсарева 1969 и др.]. Целый ряд положений Женевской школы получает противоречивое толкование.

ЧАСТЬ I РАЗВИТИЕ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА Ф. ДЕ СОССЮРА

Глава I Женевская школа: истоки научной проблематики и теоретические принципы

§ 1. Краткая историография Женевской школы и истоки научной проблематики. Научные связи с Россией

Название «Женевская школа» первым употребил Мишель Бреаль в сентябре 1894 г., воздавая должное научным заслугам и влиянию профессора Женевского университета Ф. де Соссюра. Это же название повторил 14 июля 1908 г. Шарль Балли в своем выступлении по случаю торжественного вручения Соссюру лингвистического сборника, изданного в его честь [Mélanges 1908]. Текст выступления Балли был опубликован 18 июля того же года в «Журналь де Женев» под названием «Учитель и ученики». Отметим, что это произошло за восемь лет до выхода в свет «Курса общей лингвистики». С этой даты название «Женевская школа» стало использоваться применительно к последователям Соссюра Ш. Балли и А. Сеше, в то время приват-доцентов Женевского университета, уже опубликовавших самостоятельные монографии и несколько статей. Вот что писал о происхождении названия сам Сеше: «Термин “Женевская школа” был впервые употреблен, если мы не ошибаемся, в 1908 году, когда чествовали профессора Ф. де Соссюра, и его друзья преподнесли ему том “Mélanges”» [Sechehaye 1927: 217]. Спустя 40 лет об этом писал также Р. Энглер: «Женевская школа существует *expressis terminis* с 1908 г. А. Сеше называл ее школой общей лингвистики, Р. Годель — соссюровской» [Engler 1968b: 158].

После смерти Ф. де Соссюра четыре с половиной года спустя кафедра общей лингвистики переходит к Ш. Балли. А после публикации

«Курса» в 1916 г. и его огромный успех выдвинули Ш. Балли и А. Сеше на первый план в мировой лингвистике. Название «Женевская школа» зазвучало на Международных лингвистических конгрессах, а в 1927 г. Сеше дал ему определение: это название «употребляется лишь время от времени, но мы пользуемся им в качестве удобного обозначения движения, инициатором и учителем которого был Ф. де Соссюр и которое заявило о себе прежде всего публикациями двух его женевских учеников» [Sechehaye 1927: 217].

Женевская школа приобрела официальный статус в декабре 1940 г., когда по инициативе С. Карцевского было организовано Женевское лингвистическое общество. В него вошли женевские языковеды, идейно близкие «Курсу общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Председателем общества был избран А. Сеше, Ш. Балли — почетным председателем, а С. Карцевский — вице-председателем. В 1941 г. вышел первый номер печатного органа общества «Cahiers Ferdinand de Saussure» («Тетради Фердинанда де Соссюра»). В нем был опубликован устав общества и список его членов. Во 2-й статье устава Женевского лингвистического общества было записано, что «Общество ставит перед собой цель всемерно содействовать прогрессу лингвистической науки главным образом путем изучения систем языков в свете принципов и методов теории Ф. де Соссюра» [CFS. № 1. 1941: 26]. Среди иностранных членов Женевского лингвистического общества были такие известные ученые, как Л. Ельмслев, М. Граммон, Д. Джоунз, А. В. де Грот, Й. Йордан, Б. Мальмберг, Р. Якобсон, В. Вартбург.

Женевское лингвистическое общество просуществовало ровно шестнадцать лет и сыграло заметную роль в международной научной лингвистической деятельности. Однако после кончины его видного деятеля С. Карцевского оно было распущено в декабре 1956 г.

В феврале 1957 г. женевские лингвисты, последователи Соссюра и основателей Женевской лингвистической школы, объединились в «Кружок Фердинанда де Соссюра». Благодаря стараниям редакционного комитета в составе А. Фрея, А. Бюрже, Р. Годеля, Э. Сольберже и др. публикация «Тетрадей Фердинанда де Соссюра» была продолжена. На страницах этого ежегодника публикуются работы женевских и зарубежных языковедов, связанные с учением Соссюра, а также био- и библиографические материалы. Под редакцией Р. Годеля в 1969 г. вышла «Хрестоматия работ лингвистов Женевской школы» [A Geneva School 1969].

Для того чтобы иметь общую картину научной проблематики и теоретических принципов Женевской школы, целесообразно дать

краткую характеристику ее представителей. Она представлена тремя поколениями лингвистов: непосредственными учениками Ф. де Соссюра, основателями школы Ш. Балли, А. Сеше, С. Карцевским (старшее поколение) и их учениками и последователями А. Бюрже, А. Фре-ем, Р. Годелем (второе поколение), Э. Сольберже, Л. Прието, Ф. Каном, Р. Энглером и Р. Амакером (третье поколение) (научные биографии и фото см. [Кузнецов 2003]).

Наиболее известным представителем Женевской школы является Шарль Балли (04.02.1865—10.04.1947). Он начал свою научную деятельность с занятий классической, главным образом, греческой филологией. Работа над древними текстами помогла Балли выработать высокий уровень филологической культуры и отличавший его впоследствии строгий метод филологического и лингвистического анализа.

Балли был слушателем с 1893 по 1906 г. лекций Соссюра по германистике и другим дисциплинам. Как свидетельствуют опубликованные на русском языке «Заметки по общей лингвистике» [Соссюр 1990], уже в этих лекциях содержались общие соображения о проблемах языковой деятельности и языке, о подходе к анализу языковых фактов.

В то же время проблематика первой крупной работы Балли «Краткий очерк стилистики» [Bally 1905] не является соссюровской. В ней чувствуется влияние австрийских психологов А. Мейнонга, Х. Эренфельса и Ж.-К. Крайбига, все они изучали оценочные суждения и интересовались аффективностью. С другой стороны, для изучения экспрессивных языковых средств Балли использует понятие системы, а конечная цель исследования очень напоминает знаменитую заключительную фразу «Курса»: «Моя цель — разработать рациональную концепцию живого языка, любого, рассматриваемого в самом себе и изучаемого для себя» [Ibid: 3]. Этот подход плохо сочетался с психологизмом автора, определявшим язык как «совокупность психических операций, которые следует изучать как в плане соотношения смысла с жизнью, так и с точки зрения законов и научных методов» [Ibid: 2].

Однако в итоговой работе Балли «Французская стилистика» (1909) присутствие психологизма ощущается меньше. Для работ Балли в целом свойственна собственная проблематика, но использование методов и приемов анализа восходит к учению Соссюра. По словам А. Фрея, Соссюр «сыграл решающую роль в научной ориентации Балли» [Frei 1946—1947: 130]. «Всю жизнь, — пишет Э. Вибле, — Балли называл себя учеником Соссюра» [Wiblé 1946—1947: 403]. Впервые опубликованная в 1995 г. [CFS 1995. № 48: 91—134] пере-

писки Балли с Соссюром в период с 1894 по 1912 г. свидетельствует о том, что их связывали общие научные интересы.

Круг научных интересов Ш. Балли был необычно широк: общая теория языка, классическая филология, французская грамматика, лингвистическая стилистика.

Влияние французской лингвистической традиции, рассматривающей язык в тесной связи с обществом и его носителем — человеком, проявилось в работе Балли «Язык и жизнь» (1913). Синтез научных идей Балли представлен в его итоговой работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» (1932).

Многие лингвисты Женевской школы называли Балли своим учителем, а его непосредственными учениками были известные женевские лингвисты второго поколения А. Фрей и Р. Годель. Научное влияние Ш. Балли распространилось далеко за пределы Швейцарии. Называя Балли новатором в науке, Ж. Вандриес писал, что «имя Ш. Балли — одно из тех, которые останутся в истории лингвистики. Можно даже полагать, что со временем оно приобретает еще бóльшую славу в глазах новых поколений лингвистов» [Vendryes 1966: 188].

Среди критериев научного «веса» ученого А. П. Юдакин называет индекс цитируемости его работ [Юдакин 2000: 4]. В соответствии с этим критерием Ш. Балли, наряду с его учителем Ф. де Соссюром, занимает одно из ведущих мест в мировой лингвистике.

Вторым непосредственным учеником Соссюра и видным лингвистом был Альбер Сеше (04.07.1870 — 02.07.1946). Он познакомился с Соссюром раньше Балли, в 1891 г., и по 1893 г. слушал его лекции. Особенно привлекли его лекции по общей лингвистике. Осенью 1893 г., предположительно по совету Соссюра, он отправился для продолжения образования в престижный в то время Лейпцигский университет. Уже в своей докторской диссертации (1902), посвященной истории французского сюбжонктива, Сеше разработал революционный для того времени подход: исследование синтаксических диахронических фактов с точки зрения системы.

В отличие от Балли круг научных интересов Сеше в значительной мере сформировался под влиянием Соссюра. Это проявилось в его первой крупной работе «Программа и методы теоретической лингвистики» (1908), проблематика которой во многом предвдвывает основные понятия «Курса» Соссюра (этой важной работе специально посвящен § 4). После выхода «Курса» Сеше много сделал для пропаганды и популяризации идей своего учителя. Поэтому его по праву можно считать основателем «соссюрологии».

Помимо методологических проблем лингвистики Сеше много и успешно занимался теорией грамматики и вопросами связи лингвистической теории с общественной языковой практикой. Так, подобно Ф. Ф. Фортунатову, он выступал за сближение научной и школьной грамматики.

Сеше стал первым председателем созданного в 1940 г. Женевского лингвистического общества и оставался на этом посту до конца жизни.

В. М. Алпатов пишет, что жизнь А. Сеше в нейтральной Швейцарии протекала спокойно и не выходила за рамки научной деятельности [Алпатов 2003: 7]. Это не совсем так.

Малоизвестно, что Сеше был не только крупным ученым, но и общественным деятелем. Являясь главным редактором журнала «Эссор» (Essor), он выступал с публицистическими статьями об опасности фашизма для народов Европы. В качестве председателя Швейцарского комитета за посредничество и гражданский мир в Испании Сеше активно выступал в поддержку справедливой борьбы испанских патриотов. О высоком гражданском мужестве Сеше свидетельствует его выступление в 1937 г. на страницах прессы против присуждения Муссолини степени почетного доктора. В 1942 г., в разгар Второй мировой войны, Сеше вступил в движение «Новое демократическое действие».

В Женевском университете чтут память Сеше, изучается его наследие. Из учеников Сеше по Женевскому университету следует назвать Э. Сольберже. А.-М. Фриба-Ребер в статье, посвященной Сеше, пишет: «Отношение к Сеше, остававшегося долгое время сначала в тени самого Соссюра, а затем Балли, начинает меняться. Сеше был самобытным лингвистом» [Frýba-Reber 1995—1996: 135].

Третьим основателем Женевской школы и последним представителем старшего поколения был Сергей Иосифович Карцевский (28.08.1884—07.11.1955). Его жизненная и научная судьба сложились своеобразно. Он родился в России, участвовал в революционной деятельности, был арестован, бежал, обосновался в Женеве. В университете он становится ревностным учеником Соссюра, посещает его лекции, получает основательную лингвистическую подготовку под руководством Балли и Сеше. Не случайно Карцевский был первым переводчиком работ Балли на русский язык.

Значительны заслуги Карцевского в изучении русского языка. Он первый описал его грамматический строй на основе учения Соссюра. Разработанная им классификация глаголов была использована в академической грамматике русского языка. Он создал учение о фразе, по-

ставил на повестку дня изучение роли интонации в синтаксисе, разработал теорию синтагмы, ввел понятие продуктивности. Но наибольшую известность Карцевскому принесла его теория асимметричного дуализма лингвистического знака.

Карцевский сыграл видную роль в развитии лингвистики. Благодаря ему чешские лингвисты познакомились с учением Соссюра и, руководствуясь его положениями, создали по инициативе Карцевского Пражский лингвистический кружок. Снова благодаря Карцевскому теория Соссюра стала известна отечественным языковедам через два года после публикации «Курса».

В истории языкознания дискутировался вопрос о принадлежности Карцевского к Пражской или Женевской школе. Его лингвистическая концепция, проблематика, научно-педагогическая деятельность в течение более четверти века в Женевском университете дают основание считать его представителем Женевской школы. Да и сами пражские лингвисты причисляли Карцевского к Женевской школе [Трнка и др. 1965: 162]. В Женевскую школу включил Карцевского и В. А. Звегинцев в «Хрестоматии по истории языкознания». К Женевской школе относил Карцевского В. Г. Гак [Гак 2003: 8]. В то же время следует отметить, что иногда Карцевский отступал от положений соссюровского учения под влиянием, как свидетельствуют ссылки в его работах, немецких философов и мыслителей Канта, Гёте, особенно Гумбольдта, а также своих современников Риккерта и Бергсона, у которых он заимствовал понятия длительности и гетерогенности. Это влияние проявилось в его концепции лингвистического знака и в интересе к проблеме мотивированности.

Карцевский успешно занимался не только лингвистикой, но и литературной деятельностью. Он многое сделал для пропаганды русской литературы и культуры за рубежом. По свидетельству Р. Якобсона, Карцевский любил говорить: «В моей работе я движим одной любовью, и эта любовь — русский язык».

Ко второму поколению лингвистов Женевской школы принадлежат А. Бюрже, А. Фрей и Р. Годель.

Андре Бюрже (15.02.1896—28.04.1985) был крупным специалистом в области классической и романской филологии, в его обширном научном наследии имеются работы и по общему языкознанию. Своими учителями он считал А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Марузо и М. Нидермана.

Чезаре Сегре выделяет четыре периода в научной деятельности А. Бюрже [Segre 1985]. Первый период (1925—1934) посвящен классической лингвистике. Второго (1935—1944) связан преимущественно

с романским языкознанием. Третий период с 1945 по 1959 г. связан с изучением средневековой французской литературы. Во время последнего периода своего научного творчества и позже А. Бюрже активно и успешно занимается также проблематикой Женевской лингвистической школы, что «нам дало полное право включить его в состав этой школы» [Segre 1985].

С 1945 г. Бюрже активно сотрудничал в «Тетрадах Фердинанда де Соссюра», был членом редакционного комитета. Он внес значительный вклад в развитие таких соссюровских понятий, как система, значимость, разграничение и выделение языковых единиц. В историографию Женевской школы Бюрже вошел как разносторонний лингвист, занимаясь романским языкознанием, он исследовал также памятники французского эпоса.

Анри Фрей (05.06.1899—14.11.1980) был учеником Ш. Балли. Так же как и его учитель, он считал важным изучение живого языка. Уже в первой крупной работе Фрея «Грамматика ошибок» (1929) сформировались его научные интересы, получившие развитие в его многочисленных работах, посвященных исследованию общих вопросов теории языка на основе учения Соссюра. Фрей был также специалистом по восточным языкам — китайскому и японскому, он один из первых применил положения теории Соссюра для их исследования. Для его работ характерен функциональный подход к языковым явлениям, он исследовал проблематику лингвистического знака, ввел в научный обиход термин «монема», разработал синтаксическую теорию. Подобно другим представителям Женевской школы, Фрей занимался не только синхронической, но и диахронической лингвистикой. Так, ряд его работ посвящен наиболее ранней разновидности древнеиндийского языка — ведийскому.

После кончины А. Сеше к Фрею перешло заведование кафедрой общей лингвистики Женевского университета. Наряду с Балли, Сеше и Карцевским он был основателем в декабре 1940 г. Женевского лингвистического общества и стал его секретарем. В 1957 г. он был избран редактором «Тетрадей Фердинанда де Соссюра». Благодаря усилиям Фрея «Курс» Соссюра был переведен в 1928 г. на японский язык. Это был первый перевод труда его учителя на иностранный язык.

В Женевском университете у Фрея было три ученика и последователя — Э. Сольберже, Ф. Кан и Р. де Дардель. «А. Фрей отличался самостоятельностью научного подхода и критическим умом», — писал о нем видный представитель Женевской школы Р. Годель [Godel 1980: 126].

Робер Годель (07.08.1902—03.06.1984) — ученик Ш. Балли. С именем Годеля связано начало «неоссюрианства» — пересмотр и более глубокое и когерентное понимание многих положений учения Соссюра. Этой проблематике была посвящена докторская диссертация Годеля «Рукописные источники Курса общей лингвистики Ф. де Соссюра» [Godel 1957], тема которой была предложена А. Фреем, он же был и научным руководителем. По словам Р. Амакера, эта работа оказалась «как нельзя своевременной», поскольку она стала для лингвистов — сторонников теории произвольности лингвистического знака — орудием противодействия нашествию лингвистики глубинных структур, которая возникла — историческое совпадение — в том же 1957 г. (год публикации «Синтаксических структур» Хомского) [Amacker 1985: 13].

Сфера научных интересов Р. Годеля была весьма широка — историография языкознания, теория языка, восточные языки, классическая филология, латинская поэзия, и в каждую из этих отраслей он внес свой вклад. Разрабатывая общую теорию языка, Годель сформулировал явление тождества знаков по их месту в парадигме [Godel 1948], с этих же позиций он подошел к вопросу о нулевом знаке и эллипсисе [Godel 1953]. Он занимался также теорией предложения [Godel 1969], определением синтагмы [Godel 1969], составил антологию работ представителей Женевской школы, положив тем самым начало ее историографии. Годель один из первых применил положения теории Соссюра для описания языков неиндоевропейской семьи — турецкого и армянского.

С 1947 по 1956 г. Годель являлся президентом Женевского лингвистического общества, заслуженным членом кружка Ф. де Соссюра, руководил редакционным комитетом «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

К третьему, последнему, поколению лингвистов Женевской школы принадлежат Э. Сольберже, Л. Прието, Ф. Кан, Р. Энглер и Р. Амакер.

Эдмон Сольберже (12.11.1920—21.06.1989) изучал общую лингвистику под руководством А. Сеше и А. Фрея, которого считал своим учителем. Тесная дружба связывала его с С. Карцевским и Р. Годелем. Сольберже вошел в историю науки как специалист с мировым именем в области языка, истории и культуры Шумера. Он впервые применил теоретические принципы Женевской школы для изучения этого языка. В области общего языкознания он занимался разработкой поставленной Соссюром проблемы выделения единиц языка [Sollberger

1953]. Сольберже был членом редакционного комитета «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

Луис Прието (28.11.1926—31.03.1996) — специалист по классическим и романским языкам, общему языкознанию и семиотике. В Женевском университете проработал в общей сложности 27 лет, заведовал основанной Соссюром кафедрой общей лингвистики. Он читал пользовавшийся большой популярностью курс по семиологии, основываясь на положениях Женевской школы. На формирование лингвистической концепции Прието оказали также влияние Н. Трубецкой, А. Мартине и Э. Бенвенист. Прието в течение нескольких лет являлся председателем редакционного комитета печатного органа Женевской школы. В своих работах развил семиологические идеи Женевской школы, разработал знаковую теорию дискурса.

Феликс Кан (30.03.1929—23.11.2009) — специалист по фонетике и общему языкознанию. Сфера научных интересов — разработка вопросов контрастивной фонетики, перевода и грамматики на основе положений Женевской школы. Кан разработал методику сопоставительного описания идеолектных грамматических явлений, основываясь на понятиях значения и значимости Женевской школы, фонологических оппозиций Трубецкого и метода изучения языков с помощью словаря фраз Фрея [Kahn 1954]. На протяжении многих лет он был казначеем редакционного комитета «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

Рудольф Энглер (25.10.1930—05.09.2003) — специалист по романской филологии и общему языкознанию. Круг научных интересов — теория языка, история языкознания, грамматика, диалектология, историческая лингвистика и романистика. Энглер внес значительный вклад в развитие «соссурологии», историографии Женевской школы, разрабатывал свойственную этой школе проблематику: принцип произвольности и линейности языкового знака, вопросы семиологии и семантики, соотношение синхронии и диахронии.

С 1984 г. президент «Кружка Фердинанда де Соссюра», председатель до 1987 г. редакционного комитета «Тетрадей Фердинанда де Соссюра».

Рене Амакер (22.01.1942) — младший и фактически последний представитель Женевской школы. Специалист по классической филологии, специализировался по общей лингвистике под руководством А. Фрея и Р. Годеля в Женеве и Туллио Де Мауро в Риме. Читал курс общей лингвистики, сравнительной грамматики греческого и латинского языков в Женевском университете, посвятил себя исследованию научного наследия Соссюра и основателей Женевской школы, а также